

Сергей БОРОВИКОВ

ЗАПЯТАЯ-4

(В русском жанре-64)

”

Чуть ли не наизусть помнил бунинский «Речной трактир», и вдруг вот где – «Пока старый половой Иван Степаныч ходил за шустовским, он рассеянно молчал. Когда подали и налили по рюмке, задержал бутылку на столе и продолжал...» – остановился.

Как понимать: задержал бутылку на столе?

Только так, что официант на распоряжение гостя «Иван Степаныч, шустовского...» приносит бутылку и, налив по рюмке, собирается её унести. Сейчас-то официант спросит: сколько? и столько принесёт. А ещё Бунин не стал тратить слова на объяснение того, что герои будут и дальше пить, сообщив это словами «задержал бутылку на столе».

Сейчас в продаже появился коньяк «шустовский», которого я, к огорчению своему, недавно отведал, глупо прельстившись названием. То есть я, разумеется, понимал, что современный производитель просто нагло использовал старинную марку, и всё же, чем взять стоявший рядом не раз проверенный «Кизляр», купил этот. К тому же был без очков и крохотные буквы на этикетке не разобрал и лишь дома из интернета узнал, что отравы, какую отведал, произведена в Мытищах каким-то невнятным заводиком.

”

Скептический и желчный Иван Алексеевич Бунин, столько жуткого сообщивший нам про русского человека, верил тем не менее в его деловитость и работоспособность.

Сие пришло мне на ум над страницами рассказа «Соотечественник» 1916 года.

«Этот брянский мужик мальчишкой был привезен Москву из деревни, состоял на побегушках при купеческом амбаре на Ильинке... <...> Представьте же, как странно видеть этого мужика в тропиках, под экватором! Он сидит в своей конторе, в старинном доме голландской постройки. <...> – с виду он не то швед, не то англичанин.

Он уже успел удивить гостя своей самоуверенностью, решительным и скептическим умом, деловитостью, огромным житейским опытом и несметными знакомствами с людьми самых разнообразных классов и положений.

Странно, неожиданно проявляются таланты на Руси, и чудеса делают они при счастливых жребиях! <...> Все остальное было делом его личной живости и талантливости.

Кончил он тем, что ввязался в большое чайное дело, устроив себе еще, кроме того, две службы, и вот уже шестой год пребывает здесь, в тропиках, облеченный немалыми полномочиями... Редкий европеец поставил бы так легко крест на своей изумительной по удаче судьбе, да даже просто на своей специальности, взявшей столько лет труда!»

...

Когда-то давно на бунинский юмор обратил моё внимание Илюша Петрусенко. Он сослался на рассказ «Благосклонное участие» (1929) про то, как «бывшую артистку императорских театров», которая «очень немолода, широкоскула, жилиста» приглашают выступить на благотворительном вечере.

«Она пела и про тучу, которая с громом повстречалась, и про какое-то убежище, – “в убежище направил нас господь”, – и с особенным блеском “Я б тебя поцеловала...” Критикан-старичок, сидевший в первом ряду, едко при этом захихикал, закрутил головой весьма недвусмысленно: покорно, мол, благодарю, пожалуйста, не целуй...»

И мы наперебой принялись вспоминать и другие тексты, как например написанные один за другим (26 и 27 января 1913 года на Капри) «Будни» и «Личарда».

А вот известный буниновед Олег Михайлов, прочитав много позже в моей статье слова о бунинском юморе, писал мне: «по-прежнему стою на том, что у Бунина (в отличие, скажем, от А.Толстого) юмора не было, а был желчный сарказм. Недобрый он был человек, а таковые к юмору не склонны. Ведь если у Бунина есть юмор, то вообще нет писателей без юмора (Сартаков не в счёт)».

Может быть, дело просто в терминах: я-то полагаю, что сарказма без юмора нет. И недоброго желчного юмора у Ивана Алексеевича хоть отбавляй.

...

«...кто это распорядился печатать Белого как участника и товарища? Было решено только не избегать Белого, если он даст что-нибудь удобочитаемое, а если пришлёт на зверином языке, то отказаться». (Н. Телешов И. Бунину 21 июня 1907 г.)

...

То и дело в фильмах и сериалах из старой жизни мелькают неграмотные надписи якобы по старой орфографии. Это в ряду оснащения действия как бы историческим реалиями, когда вытащив на экран две-три «эмки» и надев подстриженному по последней моде чекисту 30-х, которые стали теперь ежедневно являться на экране ТВ, петлицы со звездочками, авторы полагают, что соблюли историческую реальность, заставляя, к примеру, книжные шкафы подписными собраниями сочинений 60-х годов.

Один лишь пример – повтор на ТВ экранизации попытки Василия Аксёнова (по-моему, неудачной) написать как бы традиционную эпопею – «Московская сага» с первоклассными в главных ролях актёрами. Во многих кадрах появляется вывеска с написанным через ять слово «бельевой», тогда как оно писалось через Е.

Конечно, совсем не обязательно знать правила русской орфографии до 1918 года, но раз уж взялся по ней писать (имею в виду художника «Саги»), изволь ей следовать. Тем более, раз большая вывеска является во время действия фильма и в глубоко советские времена, надпись явно должна демонстрировать нелучшее отношение старого профессора-хирурга (исп. Юрий Соломин) к большевикам.

На моё наблюдение в FB отозвались Евг. Попов и Алексей Слаповский.

Евг. Попов: *Свидетельствую: он смотрел фильм только после его выхода на телеэкран. И был от него, мягко говоря, не в восторге. Мы с ним смотрели одну из серий в гостинице в Ярославле, и он все время бормотал: «Интересно, что еще будет дальше?»*

Я: *А почему он не смотрел до выхода?*

Попов: *Нас с тобой не спросил! Он в тот момент только-только приехал из Франции. Говорю же, что к фильму был холоден. Присутствовал лишь при самом начале, на банкете в честь запуска фильма.*

Я: *И от гонорара за фильм отказался?*

Попов: *Спроси его сам, когда мы все увидимся. Я не его казначей.*

А. Слаповский: *Да авторов к съемкам сейчас не подпускают. И показывают только готовый продукт.*

Я: *Простите, но я не думаю, что это может быть на 100%, тем более если автор именит и будет настаивать.*

Слаповский: *Да мало кто настаивает. Что, конечно, плохо.*

...

Предварили по ТВ фильм о Майе Плисецкой словами: «великая российская балерина».

– Почему не великая русская?

– Ты что, глупый?

Итак, Плисецкая великая, но не русская, стало быть, пишем великая российская, а вот Анна Павлова – великая русская, и Галина Уланова великая русская. Владимир Васильев – великий русский, а Асаф Месерер, понятное дело, не русский, а российский, не говоря уж о Рудольфе Нуриеве или Марисе Лиене – славно получается, балет у нас уже не русский, а российский. Только вот и с Павловой неувязка, отец у ней был караим...

Пойдем по художникам: Илья Репин и Василий Суриков – великие русские живописцы, а Архип Куинджи и Иван Айвазовский получается российские, Александр Опекушин и Сергей Конаев – великие русские скульпторы, а Марк Антокольский и Степан Эрьза, натурально, только российские.

Для писателей же нетитульного происхождения в «патриотической» прессе давно изобрели определение – русскоязычные, тьфу!

Долгие годы было определение «советский», которое хочешь не хочешь, но объединяло носителей его по общему признаку, а сейчас запутались между русским и российским. Плохо, что второе подменило первое, которое обозначает принадлежность к нации, а не национальности. Ведь не чурается даже и государственный язык этого слова: в ходу выражения «национальные интересы» и т.п.

...

Я не раз писал о шестидесятниках с точки зрения младшего их современника, бывает, и ровесника, ведь мой сверстник Евг. Попов называет себя шестидесятником.

Да, их надо определять не по возрасту, а по той, иногда декларируемой, иногда подспудной, приверженности к маловозможной у других слоев Советской России противоречивой смеси воззрений. Они ненавидели Сталина и любили советскую власть, ценили высоты классики и жадно хватались за любой литературный фокус, присягали верности товариществу и легко уводили у друзей жён и мужей, с готовностью обличали любой беспорядок, но добросовестно исполнять службу не слишком хотели и т.д.

Как-то я урезонился в этих размышлениях: откуда, спросил я себя, у тебя уверенность, что ты знаешь это, условно говоря, сообщество?

И правда, откуда?

Сложилось так, что с детства я много времени проводил не с ровесниками, а с приятелями старшего брата, на 10–15 лет старше, и воспринимал их сверстниками, и был как младший к ним особо внимателен и пристрастен. А в будущем, опять-таки само собой получилось, что на равных

общался, служил и дружил с людьми много старше. Это относится и к периоду моего начального становления как литератора, когда я очутился если и не в рядах, то во всяком случае в близком соседстве с «русской партией», деятели которой по преимуществу были поколения шестидесятников.

Как-то диалектически продолжилось, что с возрастом я комфортно себя чувствовал себя с приятелями моих сыновей, и подобно тому, как сам был на ты со старшими, так теперь и с младшими.

””

Проезжая недавно в Саратове по улице Мичурина, (а есть ли хоть один город в бывшем СССР без его имени?), а бывшей Малой Сергиевской, я нечаянно взглянул на старинное трехэтажное здание, где в перестройку поместили модное тогда кадетское училище, и вспомнил, как в 50-е, когда я был школьником, там была школа № 4, которой нас пугали.

Поясню. Я учился в школе №3, первый год как не женской. Было после войны две элитные школы (это потом уж возникли английская и пр.): 19-я мужская и 3-я женская. Находились неподалеку друг от друга. Самый центр, вот потому и лучшие? как бы не так! Меж ними и даже на одной улице с 19-й, была и школа 4-я – оплот второгодничества и хулиганства.

Да, в этом районе располагались дома, в которых жила тогдашняя элита. Скажем, со мной в классе учились дочери заместителей начальников КГБ и МВД, сыновья заместителей предгорисполкома и директора торговой базы облисполкома, нескольких профессоров. В 4-й же школе, как помню по общениям, были отпрыски чуть ли не люмпенов.

Объяснить это могу только тем, что в годы всеобщего советского равенства уже при отборе документов была классовая селекция. А чем же ещё?

Подтверждает это и то, что чувство элитарности в нас поддерживали, в том числе постоянной угрозой перевести в 4-ю. Так учителя и особенно завуч и говорили: «Достукаешься – переведем в четвёртую!»

””

Стало трудно дышать на свете.
Как бы вовсе нам не пропасть.
Ополчились Арбата дети
На тебя, Советская власть!

Чтоб страна в состоянье скотское,
Впала, злобою залита,
Ждут теперь воскрешенья Троцкого
Больше, чем самого Христа.

Я этим стишком Ивана Савельева из журнала «Молодая гвардия» заинтересовался, хотя в нем вроде все сразу ясно, лишь странно, что троцкисты, по мнению поэта, подлинные христиане, коли веруют во Второе пришествие. Но интересно понять, отчего так крепко внедрилось в литературно-политический обиход и стало олицетворением врага название книги Анатолия Рыбакова?

Дети Арбата это Окуджава, Рыбаков, их родители и их герои. Но ведь то дела давно минувших дней. Давно нет на свете родителей ненавистных писателей, нет и их самих. Да и тех, кто начинал их ненавидеть, тоже уже нет. А ненависть к самому определению как эстафету восприняли те, кто старого, трамвайного Арбата и в глаза не видел.

”””

В конце 80-х «Волга» наряду с другими «толстяками» набирала тираж, достигнув смешной сейчас цифры 80 тысяч. Успех проявлялся и в том, что с редакцией хотели общаться читатели, и однажды нас пригласили даже в Ленинскую библиотеку.

Я подобрал группу в лице себя и главного нашего креативщика Володи Потапова, поскольку командировку и давали на двоих, а в авторах не ограничивали. Следуя нашему стремлению как можно шире предоставлять страницы самым разным писателям (где еще могли соседствовать Саша Соколов и Владимир Бушин?), на встречу пришли Евгений Попов, Олег Михайлов, Евгений Рейн, Рой Медведев, Геннадий Айги, кажется, ещё Николай Климонтович и бывший в то время в столице Борис Екимов.

Никто не ссорился, лишь Михайлов, увидев Рейна, негромко мне проворчал: «И этот здесь...»

Но встреча могла не задаться из-за накладки организаторов, забывших повесить о ней объявление. Когда это обнаружилось, библиотечные женщины принялись заполошно бегать по читальным залам, приглашая к общению с редакцией провинциального издания. И люди пришли! Собралось за короткое время человек полтора. Такое было время, год 88-й или 89-й.

Мы невольно вернули их накладку хозяевам тем, что поспешили в ЦДЛ, где Попов заказал стол в ЦДЛ и в продолжение встречи торопил меня к нему. Меж тем они, как я краем глаза, когда искал Роя Медведева, заметил, уже накрыли чайный стол с пирожными. Почему я искал Медведева? Он, едва показавшись, куда-то исчез. А был Рой Александрович в те голы очень популярен. Увидев его, встречные толкали друг друга локтем. Я нашел его в каком-то подсобном помещении, лежащим разутым на диванчике.

На встрече удивлял и неподдельный интерес случайно собранных людей, и число их вопросов.

В ресторане посидели по-доброму, перебрал только Айги, стихами которого мне на удивление бурно, ещё в библиотеке, восхищался Михайлов, но помощь отверг и, пошатываясь, направился к Садовой.

2019